

Лян Цзивэнь остановился и, сохраняя невозмутимое выражение лица, посмотрел на него. Лян Цзию тут же сдался и заискивающе произнёс:

— Старший брат, давай скорее спустимся с горы, сестры уже, наверное, заждались.

Хотя Лян Цзивэнь и его брат провели в горах два часа, они всё время оставались на периферии. Направляясь домой, они добрались до подножия горы меньше чем за двадцать минут. Лян Цзивэнь и Лян Цзию спрятали добычу под одежду — зимой они были одеты тепло, так что такую мелочь заметить было трудно. Лян Цзивэнь сохранял бесстрастное выражение лица и шёл уверенно, высоко держа голову, а вот Лян Цзию был гораздо хуже: впервые занимаясь подобным, он, несмотря на предостережения брата, не мог удержаться от виноватого и настороженного вида.

В те годы съесть что-то одному было почти преступлением. Даже если что-то добывали в горах, нужно было сдать часть государству. Тот дикий кабан, которого подстрелил Лян Цзивэнь, стал общим достоянием всей деревни. В отличие от брата, Лян Цзию вырос в этой среде. Его раздирали противоречия: он хотел, чтобы семья поела вкусненького, но в то же время чувствовал вину перед партией и народом.

Лян Цзивэнь не испытывал ничего подобного. Он нисколько не считал, что поступает неправильно, но чтобы не привлекать внимания, из десяти походов в горы два-три раза он сдавал что-нибудь в деревню, примерно столько же, сколько и старые охотники, только те ходили в горы почти каждый день, а он — время от времени.

Когда они вернулись домой, Лян Сысы и Лян Тин, естественно, принялись хвалить Лян Цзию, но ему всё равно не удалось избежать нагоняя. Как и следовало ожидать, закончив хвалить Лян Цзивэня, Лян Тин через пять минут ухватила за ухо Лян Цзию и как следует отчитала его.

Лян Цзивэнь наблюдал за тем, как жалко выглядит Лян Цзию, когда его ругает Лян Тин, и совершенно не проявил сочувствия. Лян Тин случайно заметила, что уголок рта Лян Цзивэня слегка приподнимался, она резко повернулась и злобно сказала ему:

— Ты тоже хорош! Тело только-токо немного поправилось, а ты уже повёл второго дурачка в то место. Тебе, что ли, совсем скучно?

Лян Тин выглядела сердитой, но в душе она была рада. Тот факт, что Лян Цзивэнь смог взять Лян Цзию на гору Силян и вернуть его обратно без единой царапины, доказывал, что он действительно здоров. Однако преподать урок было всё равно необходимо!

— Да-да-да, в следующий раз я больше так не сделаю! — поспешно попросил пощады Лян Цзивэнь. За эти несколько дней неловкость между ним и Лян Тин наконец рассеялась, и она снова вернулась к своему прежнему состоянию маленькой хозяйки, любящей его отчитывать.

Лян Тин тоже знала, что слова Лян Цзивэня не содержали ни грамма правды, но то, что он умеет просить пощады, льстило её самолюбию. Если бы только тон её брата был не таким ровным, а выражение лица — не таким серьёзным, было бы вообще идеально.

Когда члены семьи Лян вернулись с работы и увидели на столе большую миску яичного крема на пару, они немного опешили. Не раздумывая, они догадались, чьих это рук. Всю еду в доме хранила бабушка Лян, порции на каждый приём пищи выдавались заранее, и никто другой не смог бы достать ключи у бабушки.

Мама Лян с суровым лицом как следует отчитала Лян Цзивэня. Это был совсем не тот лёгкий выговор, что у Лян Тин. Мама ругала его, и на глазах у неё даже выступили слёзы.

Бабушка Лян, жалея невестку и внука, выступила миротворцем и сказала:

— Ладно, ладно, скорее ешьте, старший с таким трудом нам это принёс.

Она даже не упомянула поход Лян Цзивэня на гору Силян.

— Бабушка, бабушка, а я тоже участвовал, когда батат искал! — не пожелал оставаться в тени Лян Цзию. Услышав, что его не хвалят, он поспешил упомянуть себя, надеясь, что его тоже похвалят.

— Да-да-да, наш второй молодец, просто умница! — Бабушка Лян обняла второго внука, не налюбовавшись на него.

После того как маленькая буря утихла, семья весело села за стол. Батат добавили в кашу из грубого риса и варили до полной разваренности, каждому досталось по миске вязкой каши, в котле ещё осталось, можно было добавить. Яичным кремом на пару все тоже полакомились — всего использовали три яйца. По мнению Лян Тин, нужно было приберечь их до возвращения бабушки, но Лян Цзивэнь распорядился сварить три штуки: иначе яйца, попав в руки бабушки, наверняка снова превратились бы в трудодни. А если бы сварили все сразу, то все, кроме него, стали бы жалеть об этом.

Взрослые символически попробовали яичный крем, просто чтобы оценить вкус. Лян Цзивэнь тоже лишь смочил губы, так как утром уже ел и на сегодня ему хватило. Услышав его причину, бабушка Лян не стала настаивать, но твёрдо решила, что завтра приготовит на пару два яйца, чтобы все дети в семье смогли попробовать вкус.

За ужином Лян Цзивэнь больше всего обрадовался тому, что наконец снова обрёл свободу, хотя если он пойдёт на гору Силян, ему всё равно нужно будет брать с собой Лян Цзию. Они понимали, что Лян Цзию будет обузой, но и не рассчитывали, что он сможет чем-то помочь. Главным образом они хотели, чтобы Лян Цзивэнь не уходил слишком глубоко в лес, и это позволило бы им немного успокоиться.

Лян Цзивэнь не стал возражать, возражать всё равно было бесполезно, он безразлично кивнул. В душе он думал, что с Лян Цзию в качестве прикрытия в будущем можно будет постепенно увеличивать количество приносимых домой вещей.

Щёки Лян Цзию покраснелись, он был явно очень рад. Он только что научился у Лян Цзивэня небольшим хитростям и хотел попрактиковаться ещё.

Лян Цзивэнь брал Лян Цзию с собой десять дней подряд, они принесли домой 17 куриных яиц, 3 птичьих яйца, 5 маленьких бататов, 2 маленькие картофелины и несколько десятков зёрен пшеницы; примерно за два дня они возвращались с пустыми руками.

Лян Цзию, едва вернувшись из школы, пулей вылетел домой, едва войдя в дом, он нетерпеливо закричал:

— Брат, брат!

Он швырнул портфель на кан и, приподняв занавеску, торопливо крикнул Лян Цзивэню:

— Старший брат, давай скорее!

— Сначала иди сделай то, что нужно, я скоро буду готов, — не спеша ответил Лян Цзивэнь, отложил книгу и начал одеваться. Трое малышей ползали вокруг него, дергали его за одежду, им очень нравилась игра в «дёрганье одежды».

Лян Цзию, глядя на неторопливые движения брата, очень волновался, но тем не менее ловко разложил свои домашние задания и приготовился к проверке. С того самого дня, как Лян Цзивэнь на второй день после школы заставил его сначала сделать уроки и только потом повёл с собой, он наконец стал проявлять признаки желания учиться сам: каждый день, используя перемены, он в спешке писал задания, чтобы по возвращении добровольно сдать их на проверку.

Думая об этом, он чувствовал и гордость, и досаду. Лян Цзивэнь начал учиться совсем недавно, но учится не только лучше его, но и, занимаясь самостоятельно, осваивает материал быстрее!

Лян Цзивэня тоже это беспокоило. Программа начальной школы была очень простой. Целью чтения книг в последние дни было сопоставить упрощённые иероглифы с традиционными. Он бегло просмотрел учебники с первого по пятый класс, сопоставил шрифты, в общих чертах узнал историю и современное положение дел, и таким образом усвоил всё содержание. Но это не было главным, главное заключалось в том, что бабушка Лян и мама Лян собирались отправить его в школу уже завтра.

Лян Цзивэнь в прошлой жизни уже ходил в школу, каждый ребёнок в Китае ходит в школу, но содержание обучения там было совершенно другим. В начальной школе не было разделения на гуманитарные и военные классы, все учили одно и то же, но программа была обширнее и гибче, чем в нынешних учебниках. В средней школе он выбрал военный класс, гуманитарные предметы всё ещё были, но их было меньше, чем боевых дисциплин, но он всё же изучал китайский язык, математику, физику, химию, биологию, политику, историю и географию.

Хотя его успеваемость по гуманитарным предметам позволяла ему превосходить большинства, столкнувшись с учебниками этой эпохи, он вдруг немного усомнился в смысле жизни.

Что это за промывка мозгов: «Рабочий класс ненавидит эксплуатацию», «Кровная месть навеки в памяти», «Классовая борьба ни на секунду не должна ослабевать»? Разве школа учит знаниям? Разве не учит тому, что «мы любим мир, но не отказываемся от применения силы»? Разве её цель — развивать воображение?

Лян Цзивэнь подумал: «Я немного в замешательстве».

Каждый раз, когда он видел, как Лян Сысы и Лян Тин учат математику, он замечал, что учебники забиты классическими цитатами и текстами, и среди груды слов было непросто отыскать все цифры.

Лян Цзивэнь был немного беспомощен. Мама Лян хотела, чтобы он жил как нормальный человек, и даже когда он был глупым, она не отказывалась от мысли отправить его в школу, не говоря уже о настоящем моменте. В самые трудные времена для семьи каждый ребёнок, достигший школьного возраста, ходил в школу, даже девочки, которых в обычных семьях часто не ценили.